

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ  
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Р.Ю. ПОЧЕКАЕВ

---

ГУБЕРНАТОРЫ  
И ХАНЫ

Личностный фактор правовой  
политики Российской империи  
в Центральной Азии

XVIII — начало XX в.

*Второе издание*



Издательский дом Высшей школы экономики  
Москва, 2024

УДК 94(5)  
ББК 63.3(5)  
П65



<https://elibrary.ru/udnqxu>

Монография подготовлена в рамках научного исследования  
(проект № 14-01-0010), выполненного при поддержке Программы  
«Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2014–2015 гг.

Р е ц е н з е н т — доктор исторических наук,  
профессор, заведующий кафедрой истории России  
Оренбургского государственного педагогического университета  
*С.В. Любичанковский*

**П65 Почекаев, Р. Ю.** Губернаторы и ханы. Личностный фактор право-  
вой политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII — на-  
чало XX в. [Текст] / Р. Ю. Почекаев ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа  
экономики». — 2-е изд. — М. : Изд. дом Высшей школы экономики,  
2024. — 384 с. — 600 экз. — ISBN 978-5-7598-2952-2 (в обл.). — ISBN  
978-5-7598-4013-8 (e-book).

Книга представляет собой исследование влияния личностного фактора на правую политику Российской империи в Центральной Азии в XVIII — начале XX в. Руководители российской имперской региональной администрации и представители национальной элиты Казахстана и Средней Азии нередко играли ключевую роль в политико-правовом развитии региона, их личные симпатии и антипатии, степень близости к императорскому двору могли определять политику целого ряда регионов Российской империи и соседних государств. Также от личности того или иного представителя имперской администрации или национальной элиты зависело, насколько региональная политика соответствовала (или не соответствовала) общеимперской политико-правовой идеологии в отношении определенного региона. В контексте общей политико-правовой ситуации в Казахстане и Средней Азии рассматривается влияние на имперскую правую политику в Центральной Азии таких видных российских государственных деятелей, как В.Н. Татищев, И.И. Неплюев, О.А. Игельстром, М.М. Сперанский, В.А. Перовский, К.П. фон Кауфман, А.Н. Куропаткин и др., а также казахских правителей — Абулхайра, Нурали, Арингази, батыра Срыма Датова, Кенесары, среднеазиатских монархов — хивинских ханов Алла-Кули и Мухаммад-Рахима II, бухарского эмира Музаффары, кокандского хана Худояра, кашгарского эмира Якуб-бека и др.

Книга предназначена для историков отечественного государства и права, историков и востоковедов, специалистов по политологии и политической антропологии, а также для студентов, обучающихся этим специальностям.

УДК 94(5)  
ББК 63.3(5)

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики  
<http://id.hse.ru>

doi:10.17323/978-5-7598-2952-2

ISBN 978-5-7598-2952-2 (в обл.)  
ISBN 978-5-7598-4013-8 (e-book)

© Почекаев Р.Ю., 2017; 2024

# СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ .....	8
----------------	---

## Глава I

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИЙСКИХ ВЛАСТЕЙ И КАЗАХСКИХ ПРАВИТЕЛЕЙ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ВХОЖДЕНИЯ КАЗАХСТАНА В СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1730–1750-е годы).....	23
--	----

- § 1. «Издали просятся между нами добрые и худые слова,  
то просим во всем не гневаться»:  
первые начальники Оренбургского края  
И.К. Кирилов и В.Н. Татищев  
и хан Младшего жуза Абулхайр ..... 35
- § 2. «...Чтобы нам двоим быть в одном согласии»:  
первый оренбургский генерал-губернатор И.И. Неплюев,  
хан Абулхайр и султан Борак..... 54
- § 3. «Формально объявленного хана почитать  
и ему надлежащее послушание отдавать»:  
генерал-губернатор И.И. Неплюев  
и ханы Младшего жуза Нурали и Батыр..... 69

## Глава II

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ИМПЕРСКИХ РЕФОРМ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ В КАЗАХСТАНЕ (1780–1790-е годы) .....	83
--	----

- § 1. «Вашим упреком, с которым вы пишете,  
я крайне удручен»:  
симбирский и уфимский наместник О.А. Игельстром  
и ханы Младшего жуза Нурали и Каип ..... 92
- § 2. «Ныне реченой Сырым зделался нам Емелькою»:  
О.А. Игельстром и батыр Срым Датов ..... 110

### Глава III

#### КАЗАХСТАН В ЭПОХУ

#### КОРЕННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

(1810–1840-е годы) ..... 126

- § 1. «Политическая сторона сего края, местное управление и род дел на меня возложенных, превышают почти все мое терпение»: сибирский генерал-губернатор М.М. Сперанский и правители Среднего жуза ..... 135
- § 2. «Поведение же султана Шир-Газы со времени приезда ген. Эссена в Оренбург я нахожу безупречным, и жалобы, на него поступающие, безосновательными»: оренбургский военный губернатор П.К. Эссен и ханы Младшего жуза Ширгази и Арингази ..... 154
- § 3. «Приемлю честь убедительнейше просить Ваше превосходительство принять зависящие от Вас меры к отклонению очевидного беспорядка, проистекающего от упорства Кенисары»: оренбургский военный губернатор В.А. Перовский, хан Кенесары и западносибирский генерал-губернатор П.Д. Горчаков ..... 168

### Глава IV

#### БУКЕЕЕВСКОЕ ХАНСТВО

#### КАК «ПОЛЕ»

#### ДЛЯ ИМПЕРСКИХ РЕФОРМАТОРСКИХ

ЭКСПЕРИМЕНТОВ ..... 176

- § 1. «Рекомендую Вам, степенный султан, охранять таковые благонамеренные расположения...»: П.К. Эссен, султан Шигаи и хан Джангир ..... 186
- § 2. «Правительство не только ничего не выиграло, а много потеряло от Джангерова управления»: В.А. Перовский и хан Джангир ..... 195

**Глава V****ОТ ДИПЛОМАТИИ К ВОЙНЕ И ОБРАТНО:  
ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ  
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ  
С ХАНСТВАМИ СРЕДНЕЙ АЗИИ**

ДО СЕРЕДИНЫ XIX В. .... 203

- § 1. «Теперь остается принять меры к предупреждению, по возможности, на будущее время возобновления несогласий»: В.А. Перовский и хивинский хан Алла-Кули ..... 210
- § 2. «И где то, что Иликей-хан не враг?»: В.А. Перовский, султан Иликей Касимов и правители Хивы и Коканда ..... 222
- § 3. «Чтобы более найти преданности в этих киргизах и иметь в них всегда верных шпионов, нужно обещать им подарки и деньги»: планы западносибирского генерал-губернатора Г.Х. Гасфорта в отношении Коканда и Восточного Туркестана..... 228
- § 4. «Генерал-адъютанту Катенину хотелось доказать, что надо предоставить ему одному, как начальнику края, самостоятельно распоряжаться в Средней Азии»: оренбургский и самарский генерал-губернатор А.А. Катенин и правители Бухары, Хивы и Коканда ..... 251

**Глава VI****«ЗАВОЕВАНИЕ И УСТРОЕНИЕ» СРЕДНЕЙ АЗИИ:**

ЭПОХА КАУФМАНА..... 272

- § 1. «Нет еще полного убеждения, что сей последний, воцарившись, будет действительно к нам враждебен»: туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман, бухарский эмир Музаффар и его сын Абд ад-Малик ..... 282

§ 2. «Удовольствие видеть Ярым-падишаха так велико, что я не мог бы желать какой-нибудь перемены»: К.П. фон Кауфман и хивинский хан Мухаммад-Рахим II .....	289
§ 3. «Если вы не перемените образа вашего управления., то я вам предсказываю дурной конец»: К.П. фон Кауфман и кокандские ханы Худояр и Насреддин .....	295
§ 4. «Без особой нужды или крайности я полагаю неудобным предпринимать решительные действия против Кульджи»: К.П. фон Кауфман, кашгарский эмир Якуб-бек и присоединение к России Илийского края .....	300

## **Глава VII**

### **РОССИЯ И СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ ХАНСТВА**

<b>В ПЕРИОД ПАДЕНИЯ ИМПЕРИИ .....</b>	<b>309</b>
---------------------------------------	------------

§ 1. «Бухару и Хиву надо сохранить как автономные области»: туркестанский генерал-губернатор А.Н. Куропаткин, бухарский эмир Алим-хан и хивинский хан Исфендиар .....	313
---	-----

<b>ЗАКЛЮЧЕНИЕ .....</b>	<b>334</b>
-------------------------	------------

<b>ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА .....</b>	<b>341</b>
-------------------------------------	------------

Министерство военное бывало иногда в довольно щекотливом положении: нужно было, с одной стороны, добросовестно подчиняться требованиям и видам Министерства иностранных дел, тогда как, с другой стороны, невозможно было не признать основательности военных соображений и действий местных начальников.

*Д.А. Милютин*

Нет никакого сомнения, что компетентность в суждении, что необходимо краю и что не нужно, должна принадлежать местной власти, которая затем и учреждена там.

*К.П. фон Кауфман*

## ВВЕДЕНИЕ

С древнейших времен и практически во все периоды своей многовековой истории российское государство характеризовалось обширностью территориальных владений. И чем больше они увеличивались, тем более очевидной становилась проблема контроля центральными властями отдаленных регионов, особенно пограничных, да еще и населенных преимущественно народами, отличающимися от жителей центральных русских областей.

Решением этой проблемы могло стать (и чаще всего становилось) назначение правителями этих регионов тех государственных деятелей, которые уже успели зарекомендовать себя как явные и ревностные сторонники политики центральных властей (и, в частности, как доверенные лица российских императоров). Соответственно, центральные власти могли быть уверены, что назначенные ими правители, которые в разные времена именовались наместниками, губернаторами, генерал-губернаторами и т.д., будут проводить ту политическую и правовую линию, которая задумывалась в имперском центре.

Однако проблема заключалась в том, что такой линии у центра нередко вообще не существовало! Как правило, это касалось регионов, которые фактически «случайно» оказывались в составе России и под российским влиянием, в частности, центрально-азиатских владений России. Установление имперской власти сначала в Казахстане (в 1730-е годы), а затем и в ряде регионов Средней Азии (1860–1870-е годы), по сути, являлось не логическим продолжением некой имперской геополитической стратегии, а своеобразным «ответом» на «вызовы», которые бросали Российской империи ее соседи и противники. В итоге складывалась довольно парадоксальная ситуация: установив власть на обширных территориях, имперские власти не слишком хорошо представляли, как именно ими управлять. И руководители региональной администрации, назначаемые центральными властями (или даже лично императорами) и готовые реализовывать их политику сталкивались с проблемой отсутствия таковой.

В результате руководителям региональной администрации приходилось на месте анализировать обстановку, собирать (нередко буквально по крупицам) сведения о политической ситуации, правителях, праве и культуре народов, только что вошедших в состав Российской



империи, и вырабатывать соответствующие принципы и нормы построения правоотношений с ними. Но далеко не все губернаторы были готовы к подобной деятельности. Одни приезжали на «национальную окраину» с собственными представлениями о том, как надо налаживать руководство новыми российскими подданными, как интегрировать их в имперское политико-правовое, экономическое и культурное пространство. При этом их позиция нередко находилась в полном несоответствии с тем, что диктовали местные условия и национальные традиции, и все попытки преобразований, проводимые такими губернаторами, встречали явно негативную, а иногда и откровенно враждебную реакцию. Другие губернаторы, будучи способными объективно оценивать ситуацию в регионе, старались в первую очередь демонстрировать полную приверженность политике, декларируемой российскими монархами, даже если понимали, что она не отвечает местным реалиям.

Только длительным путем проб и ошибок Российской империи удалось сформировать более-менее последовательную политику в Казахстане и Средней Азии, и не последнюю (а в ряде случаев даже основную) роль в этом процессе играли именно руководители региональной администрации — губернаторы и генерал-губернаторы, в ведении которых находились, соответственно, казахские и среднеазиатские территории Российской империи. Некоторые из этих руководителей (В.А. Перовский, К.П. фон Кауфман) сами активно участвовали в разработке правительственной политики в отношении «национальных окраин» империи, не желая довольствоваться ролью простых исполнителей приказов центральных властей и нередко вступая в конфликты с ними. Другие губернаторы (О.А. Игельстром, М.М. Сперанский и др.), внешне следуя политике центральных властей, старались внушить им (и даже самим императорам) свои идеи, которые затем сами же и выполняли уже в качестве директив из Санкт-Петербурга. Некоторые же главы региональных администраций (такие, как П.К. Эссен, Г.Х. Гасфорт, А.А. Катенин), не разрабатывая масштабных проектов и не вступая в противодействие с центральными властями Российской империи, как бы «исподволь» реализовывали именно ту политику, которая признавалась впоследствии наиболее правильной для России в Центральной Азии. Как бы то ни было, в предложениях и действиях таких губернаторов значительное отражение нашли их знания или представления о регионе, которым они управляли, особенности взаимоотношений с национальными элитами, а также, не в последнюю очередь, и их личные

качества, общие политические и ценностные ориентиры. Не будем забывать, что большинство губернаторов российских регионов имели европейское образование, мыслили в европоцентристских категориях и однозначно связывали цивилизованность с европейскими традициями и обычаями. Последние они, в той или иной степени, старались распространить и на население «национальных окраин» Российской империи. Не все из них понимали, что в рамках этого процесса было неизбежно столкновение с традициями совершенно другой, восточной (прежде всего мусульманской) цивилизации, которая имела не менее древние корни, не менее развитые институты в политической, правовой, экономической, культурной сферах. Те из губернаторов, кто были готовы рассматривать особенности государственного управления, правового регулирования, экономических отношений народов Казахстана и Средней Азии в таком контексте, понимали, что необходимо взаимодействовать с ними достаточно постепенно, другие же, выступая «воинствующими цивилизаторами», лишь ухудшали и без того непростые отношения с населением «национальных окраин».

Наряду с губернаторами, т.е. представителями имперской власти, не меньшее значение имели и представители местных правящих династий — казахские ханы и султаны, ханы и эмиры Бухары, Хивы, Коканда и т.д. В течение долгих лет и даже веков их династии управляли местными народами, однако в XVIII—XIX вв. ситуация начала меняться коренным образом, и о полноте власти местным династиям приходилось забывать. Естественно, далеко не все из них были рады уступать свои властные прерогативы главам имперской администрации — даже и под угрозой применения военных мер. Однако и среди национальных правящих династий находилось немало лиц, готовых конструктивно сотрудничать с российскими властями и даже, более того, с их помощью укреплять собственное положение внутри своих государств.

Позиция некоторых правителей Казахстана и ханств Средней Азии была довольно противоречивой, двойственной, поскольку, с одной стороны, им приходилось поддерживать официальную политику российских властей в регионе (ведь от воли губернаторов нередко зависел сам факт пребывания того или иного хана на престоле), с другой — было необходимо демонстрировать защиту интересов собственных подданных, их традиций, ценностей. В результате даже те центрально-азиатские правители, которые получили российское образование, ценили достижения российской (в смысле — евро-

пейской) цивилизации и культуры, были тесно инкорпорированы в сановную иерархию Российской империи (например, хан ряда родоплеменных подразделений казахского Младшего жуза Ширгази, хан Внутренней Орды Джангир, последний эмир Бухары Алим-хан), придя к власти, проводили сугубо консервативную политику, сохраняя средневековые государственные и правовые институты, отстаивая приоритет ислама и т.д.

Руководителям имперской администрации в Казахстане и Средней Азии и местным правителям неизбежно приходилось взаимодействовать — лично или через представителей. В результате между ними складывались не только чисто формальные, но и личные отношения, которые, в свою очередь, могли влиять на разработку и реализацию имперской политики в том или ином регионе. В некоторых случаях губернаторы могли поддерживать претензии на престол того или иного кандидата, поскольку видели в нем своего верного союзника и, соответственно, считали лояльным имперским интересам, хотя нередко их протезе отнюдь не являлись таковыми, что доказывали и закулисными интригами, и даже открытыми вооруженными восстаниями против имперских властей. В других случаях, напротив, личные антипатии могли способствовать напряженности и снижать конструктивность взаимоотношений губернаторов с ханами, даже если последние искренне поддерживали имперскую политику и старались сами ее реализовать в своих владениях.

Таким образом, настоящая книга представляет собой исследование деятельности конкретных губернаторов и ханов центрально-азиатских государств, с учетом их личных взаимоотношений в контексте российской имперской правовой политики в Казахстане и Средней Азии. Целью исследования является изучение роли и влияния конкретных политических и административных деятелей (губернаторов пограничных российских регионов и взаимодействующих с ними представителей национальных элит) на правовое развитие национальных окраин России в имперский период (на примере Казахстана в составе Российской империи и среднеазиатских ханств под российским протекторатом). Также автор предпринимает попытку несколько уйти от представления исторических деятелей как неких абстрактных фигур, являвшихся лишь орудием государственной политики, и представить их как живых людей, обладающих индивидуальными особенностями, способностями и недостатками, которые в немалой степени повлияли на их собственную деятельность, а следовательно, и на российскую имперскую политику в Центральной Азии.

Соответственно, для достижения поставленной цели автор ставит перед собой ряд задач. Первой из них является анализ уже проделанной специалистами ранее работы в этом направлении — как трудов по общим проблемам политико-правового развития Казахстана и Средней Азии в составе Российской империи, так и биографических исследований, посвященных конкретным имперским региональным администраторам и правителям соответствующих центрально-азиатских государств. На основе анализа исследовательской литературы и в особенности исторических документов (в том числе правовых памятников) будет дана характеристика личностей и деятельности наиболее влиятельных российских администраторов, казахских и среднеазиатских ханов, существенно повлиявших на политико-правовое развитие Казахстана, Бухарского эмирата, Хивинского и Кокандского ханств под властью (или протекторатом) Российской империи. Также будут проанализированы основные направления правовой политики российской администрации в Казахстане и ханствах Средней Азии, с выявлением, кто именно из руководителей региональной имперской администрации придерживался какого направления, какие политико-правовые последствия вызывала его деятельность и как она влияла на отношения этих государств к России в целом. Также планируется провести сравнительный анализ уровня политико-правового развития Казахстана и Средней Азии в рассматриваемый период с уровнем других регионов Российской империи (в первую очередь других «национальных окраин») и связать результаты анализа с деятельностью конкретных администраторов. Наконец, целесообразным видится сравнение роли, статуса, методов управления губернаторов окраинных регионов Российской империи со статусом колониальных губернаторов других империй того времени, в первую очередь Британской и Французской. Исследователи уже обращались к проблеме влияния конкретных представителей колониальной администрации на политику этих империй в соответствующих регионах, к особенностям их взаимодействия с властями метрополий и национальными элитами. Здесь можно назвать, в частности, труды Ю.П. Дементьева, Е.А. Глущенко, К.А. Фурсова, Д.Е. Уилсона и др. Оправданность сравнения колониального управления в Русской Средней Азии и западных держав в их восточных владениях подтверждается тем, что подобные исследования уже имели место (см., напр.: [Губаревич-Радобильский, 1905; Фурсов, 2010; Morrison 2008]).

Книга разделена на главы, каждая из которых соответствует определенному этапу политико-правового развития Казахстана или

Средней Азии под влиянием Российской империи. Все главы содержат своего рода вводный параграф, в котором дается общая характеристика изменений в государственном и правовом устройстве соответствующего региона, а затем анализируется роль конкретных представителей российской региональной администрации и местных правителей в этих преобразованиях, их позиция по основным аспектам реформ, их влияние на политику центральных властей по вопросам преобразовательной деятельности.

Тематика вхождения Казахстана и Средней Азии в состав Российской империи нашла широкое отражение в исследовательской литературе, начиная с трудов современников событий и заканчивая новейшими исследованиями специалистов из России, Казахстана и среднеазиатских государств, а также авторов из дальнего зарубежья. Вопросы, относящиеся к теме настоящего исследования, затронуты в трудах авторов XVIII — начала XX в. Большею частью это были российские чиновники в Казахстане и Средней Азии: П.И. Рычков, Г. Спасский, А.И. Левшин, В.В. Вельяминов-Зернов, Г.Ф. Генс, Ф.А. Бюлер, Ч.Ч. Валиханов, М.И. Терентьев, А.И. Добросмыслов, А.П. Хорошкин, И.И. Крафт, Е. Марков, Н.И. Веселовский. Также эта тема нашла отражение и в трудах иностранных авторов — таких современников событий, как Г. Ланселл, У.Э. Бакстер, Ф. Скрайн и Э. Росс, Ч. Марвин, Дж.Н. Керзон и др.

В советский период основное внимание уделялось проблемам классовой борьбы, и деятельность конкретных представителей российской администрации и национальных правящих элит рассматривалась именно с такой точки зрения. Наиболее важными для целей настоящего исследования являются труды, в частности, Н.Г. Аполовой, Д.Ю. Арапова, В.Я. Басина, Е.Б. Бекмаханова, М.П. Вяткина, С.З. Зиманова, П.П. Иванова, Б.И. Искандарова, Л.Г. Левтеевой, И.В. Погорельского, М.К. Рожковой, А.С. Садыкова, Т.Г. Тухтаметова, Б.С. Сулейменова, Н.А. Халфина, Т.Ж. Шоинбаева.

В это же время иностранные авторы также активно интересуются проблемами политического развития Казахстана и Средней Азии имперского времени. За исключением некоторых работ, основанных непосредственно на анализе исторических документов (как, например, работы Э. Каррер д'Анкосс (см., в частности: [Carrère d'Encausse, 1988])), большинство этих трудов представляют собой «разоблачение» российской колонизаторской политики в Центральной Азии (см., напр.: [Pierce, 1960; Becker, 2004 (1-е изд. 1968); Mackenzie, 1974]), либо же анализ так называемой Большой игры, в которой продвиге-

ние России в Центральную Азию трактуется почти исключительно как подготовка вторжения в британские владения в Афганистане и Индии (Р.Л. Гривс, У. Хаббертон и др.).

Наконец, в постсоветский период можно выделить целые три группы исследований — российские, «национальные» и западные.

Российские исследователи, занимающиеся вопросами политико-правового развития Казахстана и Средней Азии в имперский период, ставят своей задачей своеобразную «реабилитацию» российской имперской политики в Центральной Азии, стараясь опровергнуть сложившийся стереотип о ее колонизаторском характере. При этом значительное внимание авторами уделяется беспристрастному анализу исторических (в том числе правовых) документов без явных признаков апологии и идеализации российской имперской политики. В качестве примера можно назвать труды С.Н. Абашина, Н.Е. Бекмахановой, С.Н. Брежневой, О.И. Брусиной, А.Ю. Быкова, Д.В. Васильева, В.А. Воропанова, Е.А. Глушенко, Т.В. Котюковой, Е.Ю. Сергеева, Ф.Т. Тухтаметова и др.

«Национальные» исследования, т.е. вышедшие из-под пера представителей современной казахской, узбекской, таджикской, киргизской, туркменской науки, в большинстве своем следуют политическому заказу властей своих государств, стараясь охарактеризовать пребывание того или иного региона в составе Российской империи исключительно негативно — что в значительной степени является продолжением и советской традиции. Впрочем, следует отметить, что в последние годы резко негативный тон исследований центрально-азиатских народов и государств в имперский период несколько изменился, и сегодня «национальные» историки больше внимания стали уделять анализу документов, а не идеологическим конструкциям. В качестве примера можно назвать, в частности, труды Х. Давронова, Ж. Джамписовой, А.Ш. Ерова, М.У. Каюмова, С.М. Маткаримовой, К.Ж. Нурбаева, Г.С. Султангалиевой, р. Темиргалиева, Н.Р. Топилдиева.

Наконец, западные (а также и некоторые восточные, в частности, японские) авторы в последнее время вновь обратились к изучению российской имперской политики в Казахстане и Средней Азии. Большой интерес представляют работы, посвященные политическому и правовому развитию этих регионов в имперский период (см., в частности, труды В. Мартин, А. Моррисона, Д. Ноды, П. Сартори, Д. Сахадео, Т. Уямы, А. Франка).

В работах большинства вышеупомянутых авторов роль администраторов и представителей национальных правящих элит в пра-

вовом развитии Казахстана и Средней Азии в имперский период, безусловно, не является основным предметом исследования. При этом ряд авторов все же связывают те или иные направления политической (и в меньшей степени правовой) политики с конкретными российскими губернаторами или казахскими и среднеазиатскими правителями. Тем не менее немало работ посвящено личности и деятельности конкретных российских губернаторов, правителей Казахстана и ханств Средней Азии рассматриваемого периода. Имеются работы о И.К. Кирилове, включая его деятельность в Оренбургском крае и взаимоотношениях с кочевыми народами региона (Р.Г. Игнатьева, Л.Е. Иофа, М.Г. Новлянской). Многочисленные произведения посвящены В.Н. Татищеву (в том числе и взаимоотношениям с казахами в период его пребывания во главе Оренбургского края) (Л.Е. Иофа, А.Г. Кузьмина, Н.В. Попова, Ю.К. Татищева, В.А. Томсинова, И.В. Торопицына). Немало исследований посвящено И.И. Неплюеву как генерал-губернатору Оренбургского края (В.Н. Витевского, В.Б. Масляева, И.В. Торопицына). В последнее время внимание исследователей стала привлекать и деятельность О.А. Игельстрема (Н.С. Лапина, С.В. Любичанковского, Д.В. Васильева), прежде не получившая значительного отражения в специальных работах, хотя его реформы в Казахстане неоднократно изучались в контексте политического развития этого государства. Конечно же, обширная библиография посвящена выдающемуся теоретику государства и права, законодателю и государственному деятелю, М.М. Сперанскому (например, работы М.А. Корфа, В.А. Томсинова, а также М. Раэффа). Однако в рамках данного исследования нас наиболее интересуют публикации, касающиеся его пребывания на посту генерал-губернатора Сибири и связанной с ним преобразовательной деятельности, существенно повлиявшей на дальнейшее политико-правовое развитие Казахстана и его статус в составе Российской империи (среди них работы В. Вагина, Н. Ядринцева, Е.А. Попова, А.Н. Фатеева, А.И. Мурзиной, Л.М. Дамешека с соавторами и др.). Объектом исследования неоднократно становилась также и деятельность оренбургского губернатора В.А. Перовского, сыгравшего значительную роль в разработке политического курса Российской империи как в Казахстане, так и в Средней Азии (это прежде всего А.С. Акьюлов, И.М. Гвоздикова, С.В. Джунджузов, И.Н. Захарьин, Г.Б. Избасарова). Целый ряд исследователей изучали деятельность первого туркестанского генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана (Л.Н. Беленчук, А.Д. Васильев и Д.В. Васильев, С. Горшенина, Е.А. Глущенко, В.М. Проску-

рин, Е. Толбухов, Б. Чижов, Д. Боулджер, Д. Макензи. Не обойдены вниманием ученых также непосредственный преемник Кауфмана, генерал М.Г. Черняев (в работах, например, С.Н. Брежневой, Е.А. Глущенко, А. Михайлова и др.) и первый губернатор Ферганской области М.Д. Скобелев (Е.А. Глущенко, Н.И. Гродеков, В.И. Гусаров, Б. Костин, В. Масальский и др.)<sup>1</sup>. Деятельность последнего генерал-губернатора Туркестанского края А.Н. Куропаткина также неоднократно была предметом исследований — правда, опять же в качестве военачальника, дипломата и исследователя и в гораздо меньшей степени как последнего главы администрации края (например, исследования И.В. Белокопя, С.В. Моисеева, Р.В. Сапрыкина).

До сих пор специально не изучалась деятельность еще целого ряда глав региональной администрации, которые оказали значительное влияние на российскую политику (в том числе и правовую) в Казахстане и Средней Азии. К ним относятся, в частности, оренбургские губернаторы П.К. Эссен, П.П. Сухтелен, А.А. Катенин, Н.А. Крыжановский, западносибирский генерал-губернатор Г.Х. Гасфорт, туркестанские генерал-губернаторы А.Б. Вревский и Н.А. Иванов, деятельность которых анализируется лишь в работах по истории российской политики в Казахстане и Средней Азии. Это представляется довольно странным, учитывая, что специальные исследования посвящены даже таким малозначительным (с точки зрения их роли в развитии регионов и влияния на центрально-азиатскую политику Российской империи) администраторам, как «кратковременные» начальники Оренбургского края В.А. Урусов и С.П. Соимонов (публикации Р.Г. Игнатьева), Д.В. Волков (бывший личный секретарь императора Петра III) в работах М.А. Киселева, И.А. Рейнсдорп (у Е.Г. Вертоусовой), князь Г.С. Волконский (у И.М. Гвоздиковой и С.Н. Севастьянова), западносибирский генерал-губернатор П.Д. Горчаков (у А.В. Ремнева), оренбургский и самарский генерал-губернатор А.П. Безак (у Е.В. Годовой) и т.д. Соответственно, в настоящей монографии предприня-

---

<sup>1</sup> Впрочем, и М.Г. Черняев, и М.Д. Скобелев в качестве глав региональной администрации действовали очень недолго и, строго говоря, не оказали особого влияния ни на развитие Русского Туркестана, ни на политику центральных властей по отношению к нему. Соответственно, период их пребывания на губернаторских должностях также освещен исследователями довольно скупо: исследователи гораздо больше внимания уделяют их полководческой деятельности, причем не только в Центральной Азии, но и (даже в большей степени) на Балканах. Поэтому их деятельность в русской Средней Азии в данном исследовании специально не рассматривается.



та попытка до некоторой степени восполнить этот пробел и проанализировать деятельность, в частности, П.К. Эссена, Г.Х. Гасфорга и А.А. Катенина.

Не меньше исследователей в разное время занимались изучением биографий отдельных казахских и среднеазиатских правителей. Первые биографии появились уже в XIX в.: в 1870—1890-е годы опубликованы очерки, посвященные деятельности Аблая, Кенесары Касымова и его сына Садыка, а также Джангира, хана Внутренней Орды (среди них Ч.Ч. Валиханова, И.С. Иванова, А. Кенесарина, Н. Середы). Попытки написания биографий казахских ханов («феодалов-хищников») вызывали негативную реакцию со стороны властей, что приводило к проблемам для самих авторов. Так, положительная оценка деятельности того же Кенесары, данная в работе Е.Б. Бекмаханова (старавшегося, впрочем, подать эти события как борьбу против царского режима) привела к репрессиям против историка, а сама книга была опубликована уже после распада СССР. Впрочем, биографические труды, посвященные представителям казахской элиты неханского происхождения, в советские времена появлялись нередко: несмотря на то что герои этих жизнеописаний принадлежали к казахской аристократии, в глазах советских властей они, по-видимому, являлись «выходцами из простого народа», боровшимися как против царских колонизаторов, так и против собственных монархов (например работы М.П. Вяткина, А.Ф. Рязанова, В.Ф. Шахматова, Т.Ж. Шоинбаева). Поэтому неудивительно, что подавляющее число биографических работ — как статей, так и монографий — о казахских ханах и султанах появляется уже в постсоветский период в независимом Казахстане, а также и в России. Наибольшей популярностью, безусловно, пользуются биографии ханов Абулхайра, Аблая, Кенесары, Джангира, оказавших существенное влияние на российскую имперскую политику по отношению к казахам<sup>2</sup>. Тем не менее привлекает внимание исследователей и судьба менее значительных в политико-правовом отношении казахских правителей. Так, например, на рубеже XX—XXI вв. появилась целая серия монографий, научных и научно-популярных

<sup>2</sup> См. такие, например, публикации, как: [Абдиров, 1993; Бершак, Быков, 2004; Ерофеева, 2007; Кадырбаев, 2010; Касымбаев, 1997; 1998е; 2001е; 2001г; 2005; Торопицын, 2011б; Турашбекова, 2013; Bodger, 1980; Аблай-хан, 1993; Абуев, 2002; 2012; 2013; Лапин, 2014; Абдилдабекова, 2009; Асеев, 2004; Валиханов, 2004; Дильмухамедов, 2010; Есимжанов, 2010; Ксенжик, 2012; Майхив, 2011; Степняк, 1993; Шеметова, 2000; Дмитриев, 2007; Иренов, Иренов, 2010].

статей известного казахстанского исследователя Ж.К. Касымбаева, посвященных ханам Нурали, Ерали, Айшуак, Джанторе, а также нескольким султанам. В отдельных работах характеризуются претенденты на ханский трон, не признанные российскими властями — Барак, Каратай, Губайдулла, некоторые султаны, а также влиятельные батыры, т.е. лица неханского происхождения — Жанибек-тархан, Срым Датов, Исатай Тайманов и др.

Как видим, речь идет о казахских ханах и султанах: биографии среднеазиатских правителей — эмиров Бухары, ханов Хивы и Коканда, активно взаимодействовавших с Российской империей, по какой-то причине до сих пор не становились предметом специальных исследований. Исключение составляет биография кокандского временщика Алимкула, созданная в начале XX в. ферганцем Мухаммад-Юнусом Ташкенди [The Life, 2003], а также жизнеописания хивинского хана Мухаммад-Рахима, кокандского хана Худояра, бухарского эмира Музаффера и кашгарского правителя Якуб-бека, составленные их современником Д.Ч. Боулджером.

Во всех вышеупомянутых работах, безусловно, затрагиваются вопросы о взаимодействии российских губернаторов с местными правителями Казахстана и Средней Азии, однако специально вопрос об их влиянии на формирование российской имперской политики в этих регионах не исследуется. Настоящая работа, таким образом, в какой-то мере призвана восполнить этот пробел и оценить роль личностей и деятельности конкретных российских администраторов и казахских и среднеазиатских правителей в формировании имперской правовой политики в Центральной Азии. Вышеупомянутые работы в значительной степени являются отправной точкой для подобного анализа.

Однако основную базу для настоящего исследования, конечно же, будут составлять не столько исследования авторов, в той или иной степени затрагивающих изучаемую тематику, а первоисточники — исторические и правовые памятники: нормативные акты, переписка представителей властей различного уровня, другие официальные активные материалы, свидетельства и мемуары современников, их дневники и частные письма.

В первую очередь следует назвать, безусловно, «Полное собрание законов Российской империи» (ПСЗРИ), в каждом из трех «Собраний» которого содержится большое количество нормативных актов различной юридической силы, отражающих имперскую правовую политику по отношению к Казахстану и Средней Азии. При этом

исследователи уже систематизировали и анализировали правовые акты, касающиеся правового регулирования статуса Казахстана (см.: [Абдрахманов, 2002; Отепова, 2009]), аналогичная работа в отношении документов ПСЗРИ по Средней Азии пока не проделана.

Большое количество документов, непосредственно касающихся правовой политики Российской империи в Казахстане и Средней Азии, уже опубликовано, однако, как ни странно, именно в рамках историко-правовых исследований до сих пор использовалось лишь в незначительной степени. Порой даже юридические памятники служили (и служат сегодня) источниками по общей политической и также экономической истории народов и государств Центральной Азии, а не истории их государственности и права (см., напр.: [Шайхова, 1989]).

Большую ценность для настоящего исследования представляют тематические сборники документов, относящихся к истории правовой политики Российской империи в Казахстане: материалы по казахскому обычному праву, собранные и систематизированные преимущественно представителями российской региональной администрации [Материалы, 1998; Казактын, 2004—2009; Степной закон, 2000], правовые акты и официальная переписка российских властей различного уровня между собой и с казахскими правителями и представителями правящей элиты [КРО, 1961; 1964; История, 2002; 1940; 1948; 1960; Под стягом, 1992, с. 325—406; Эпистолярное наследие, 2014а; 2014б], дипломатическая переписка зарубежных правителей (китайских и среднеазиатских) и иностранные официальные документы, посвященные Казахстану и попыткам иностранных держав установить контроль над ним [Цинская империя, 1989а; 1989б; Noda, Onuma, 2010].

Опубликован также и ряд сборников официальных документов, имеющих как прямое, так и косвенное отношение к развитию правовой политики Российской империи в Средней Азии: хронологические подборки официальных актов о завоевании Россией Средней Азии (см., в частности: [Серебренников, 1912; 1915]), документы о принятии российского подданства киргизами и туркменами [Присоединение, 1960; Россия и Туркмения, 1946; Русско-туркменские, 1963; Кыргызстан—Россия, 1998]. Ценные сведения содержат документы, отражающие дипломатические отношения в Центральной Азии по поводу тех или иных среднеазиатских владений [Китайские документы, 1994; Международные отношения, 1989а; 1989б; Русско-индийские, 1958; 1997; 1999; Русско-китайские, 1958]. В значительной степени могут оказаться полезными и каталоги архивных документов

среднеазиатских государств [Иванов, 1940; Каримов, 2007; Каталог, 2001; Каталог, 2007; Троицкая, 1968], поскольку и они содержат информацию о взаимодействии местных правителей с российской имперской администрацией, отражают влияние российского законодательства на правовое развитие этих государств.

Помимо тематических сборников, есть немало публикаций отдельных актов или небольших подборок, в том числе и в качестве приложений к исследовательским работам (см., напр.: [Ахмедов, 1973; Брегель, 1961; Бухерт, 2003б; Искандаров, 1958; Семенов, 1929; 1954; Сулейменов, Басин, 1981; Султангалиева, Далаева, 2014; Троицкая, 1969; Цыпляев, 1911; Bregel, 2007; Wood, 2005]).

Ценным источником о российской политике в Казахстане и Средней Азии являются отчеты, письма и мемуары российских чиновников, которые много лет проводили в соответствующем регионе и имели объективное представление о политике России, ее достоинствах и недостатках, роли конкретных российских администраторов и местных правителей в ее развитии. Таких документов опубликовано довольно много, и в настоящее время их публикация активно продолжается как в России, так и в Казахстане. В частности, можно назвать работы таких авторов, как И.И. Неплюев, И.Г. Андреев, В.А. Перовский, И.И. Крафт, А.К. Гейнс, И.Ф. Бларамберг, Г.П. Федоров, И.В. Чернов, Д.Н. Логофет и др.

Представляют большую ценность и записки представителей центральных властей (в частности, ряда российских министров), в которых, во-первых, отражено представление об имперской политике на восточных «национальных окраинах» Российской империи, во-вторых, дается оценка деятельности представителей региональной администрации. Ярким примером являются дневники и мемуары Д.А. Милютина, военного министра Российской империи, сыгравшего огромную роль в присоединении к России среднеазиатских владений, а также А.Н. Куропаткина — военного министра, а затем и последнего генерал-губернатора Туркестанского края.

Близкой по происхождению к двум предыдущим и при этом тоже очень важной группой источников являются официальные отчеты и частные записки (дневники, мемуары) дипломатов о миссиях, с которыми они отправлялись в те или иные страны и регионы, о политико-правовой ситуации в конкретном государстве, воспоминания о представителях российской администрации и правителях центрально-азиатских государств. В этом направлении важными являются труды, в частности, А.И. Тевкелева, Н.В. Ханыкова, Н.П. Игнать-

ева, Н. Залесова, Л.Ф. Костенко, Г.А. Арендаренко, В.И. Чарыкова, П.М. Лессара и др.

Особую подгруппу источников составляют записки иностранцев, побывавших в Казахстане и(или) Средней Азии в период их нахождения под властью Российской империи — дипломатов, путешественников, торговцев, многие из которых *de facto* являлись разведчиками. Хорошо известны (хотя и не использованы широко в рамках анализа правовой политики Российской империи в Центральной Азии) произведения таких авторов, как Д. Кэстль, А. Борнс, А. Вамбери, Дж.У. Букуолтер, У.Э. Кертис, Дж. Добсон, Ч. Марвин, Г. Норман, О. Олуфсен, Ю. Скайлер и др.

До сих пор мы говорили об опубликованных документах, поскольку многие из них, хотя и введены в научный оборот, но, повторимся, практически не использовались специалистами в области истории права. Поэтому их подробный анализ в целях поставленных автором настоящего исследования, представляется вполне оправданным и, хочется надеяться, принесет элемент новизны в изучение данной тематики. Тем не менее нельзя не сказать, что огромное количество документов до сих пор находится в архивах и лишь время от времени привлекает интерес специалистов, не являющихся научными сотрудниками этих архивов. В связи с этим большой интерес представляют, в частности, документы архивных фондов таких губернаторов, как П.К. Эссен, В.А. Перовский, К.П. фон Кауфман, хранящихся в архивах Москвы (АВПР), Санкт-Петербурга (РГИА), Оренбурга (ГАОрО), Ташкента (ЦГА РУз) и др.

Нельзя не отметить огромную и кропотливую работу отдельных ученых и коллективов, в результате которой архивные документы становятся доступными более широкому кругу исследователей, не имеющих возможности работать непосредственно с архивными материалами. Помимо вышеназванных публикаций архивных документов в последние годы, активно осуществляемых, в частности, рядом научных организаций Республики Казахстан, нельзя не отметить с признательностью работу ряда ученых России и Узбекистана в рамках проекта «Зеркала» (Zerrspiegel: <zerrspiegel.orientphil.uni-halle.de>), по итогам которого в открытом доступе в Интернете оказались сотни документов из ряда фондов Центрального государственного архива Республики Узбекистан, в том числе и непосредственно относящихся к тематике настоящего исследования.

Считаем необходимым отметить, что анализ всех вышеперечисленных документов (как опубликованных, так и архивных) не яв-

ляется целью настоящей работы, поскольку она представляет собой историко-правовое исследование влияния конкретных личностей российских региональных администраторов и представителей национальных правящих элит на формирование и развитие правовой политики Российской империи в Казахстане и Средней Азии. Поэтому во многих случаях даже из правовых документов автору приходилось использовать лишь определенные фрагменты, по крупицам выбирая информацию, позволяющую ответить на вопросы, непосредственно касающиеся поставленной цели.

Также нужно обратить внимание на специфику написания некоторых имен в настоящей книге. Автор использовал принятые в современной научной литературе формы написания имен, например, Кенесары, Иликей. Иные варианты написания конкретных деятелей (Кенисары, Илекей) могут встречаться в цитатах и названиях источников.

Это исследование не было бы осуществлено без дружеской поддержки ряда коллег в форме личных научных консультаций, предоставления возможности ознакомиться с новейшими исследованиями и архивными материалами и возможности публично обсудить и опубликовать в специальных изданиях промежуточные результаты исследования. В связи с этим автор выражает глубокую признательность Д.Ю. Арапову, Н.Е. Бекмахановой, В.В. Белякову, В.О. Бобровникову, А.Д. Васильеву, Т.В. Котюковой, И.В. Кульганек, С.В. Любичанковскому, В.П. Николаеву, Г.Х. Самигулову, Н.Л. Семеновой, Д.В. Сеню (Россия), Г.Б. Избасаровой, Н.С. Лапину, Р.Ж. Темиргалиеву, К.З. Ускенбаю (Казахстан), Б.М. Бабаджанову и А.С. Эркинову (Узбекистан), А. Моррисону (Великобритания), Х. Эрдэнчулуу (КНР), Д. Нода (Япония).